

Научная статья

Политические науки

УДК: 323.17

[https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3\(5\)-22-43](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3(5)-22-43)

Право народов на воссоединение: научная и практическая постановка проблемы

Николай Юрьевич Ильин^{1a}✉, Елена Алексеевна
Кузьменко^{2b}✉, Инал Борисович Санакоев^{3c}✉, Олег
Аршавинович Габриелян^{4d}✉, Кира Львовна Сазонова^{5e}✉

¹ Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия

² Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, Москва, Россия

³ Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова,
Цхинвал, Республика Южная Осетия

⁴ Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
Симферополь, Россия

⁵ Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, Москва, Россия

^a www.ilyin@gmail.com

^b ea.kuzmenko@igsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4144-2414>

^c inal59@mail.ru

^d gabroleg@mail.ru

^e kl.sazonova@igsu.ru

Аннотация. Статья содержит материалы научной дискуссии, проведенной в апреле 2022 года Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций. Авторы обсуждают следующие вопросы: концепт «расколотого народа»; право на воссоединение в контексте равноправия и права народов на самоопределение; исторические прецеденты воссоединения народов; правовые, социальные, экономические, политические и иные основания и механизмы воссоединения;

право на воссоединение и проблема территориальной целостности государства; роль внешних акторов в объединительных процессах; конфликт национальной и государственной идентичности.

Ключевые слова: народ, право народов на воссоединение, право народов на самоопределение, сепаратизм, Южная Осетия, объединение Германии, Новая восточная политика, ослыстия, этническая идентичность, принцип равноправия

Для цитирования: Ильин Н.Ю., Кузьменко Е.А., Санакоев И.Б., Габриелян О.А., Сазонова К.Л. Право народов на воссоединение: научная и практическая постановка проблемы // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 3(5). С. 22-43. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3\(5\)-22-43](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3(5)-22-43).

Original article

Political sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3\(5\)-22-43](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3(5)-22-43)

The Right of Peoples to Reunification: Scientific and Practical Aspects of the Problem

Nikolay Yu. Ilyin^{1a}✉, Elena A. Kuzmenko^{2b}✉, Inal B. Sanakoev^{3c}✉,
Oleg A. Gabrielyan^{4d}✉, Kira L. Sazonova^{5e}✉

¹ Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

³ A.A. Tibilov South Ossetian State University, Tskhinval, Republic of South Ossetia

⁴ V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

⁵ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

^a www.ilyin@gmail.com

^b ea.kuzmenko@igsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4144-2414>

^c inal59@mail.ru

^d gabroleg@mail.ru

^e kl.sazonova@igsu.ru

Abstract. The article contains the materials of a scientific discussion held in April 2022 by the National Communications Development Research Institution. The authors discuss the following issues: the concept of a “split people”; the right to reunification in the context of equality and the right of peoples to self-determination; historical precedents of the reunification of peoples; legal, social, economic, political and other grounds and mechanisms of reunification; the right to reunification and the problem of territorial integrity of the state; the role of external actors in unification processes; the conflict of national and state identities.

Keywords: people, the right of peoples to reunification, the right of peoples to self-determination, separatism, South Ossetia, unification of Germany, New Eastern policy, nostalgia, ethnic identity, the principle of equality

For citation: Ilyin N.Yu., Kuzmenko E.A., Sanakoev I.B., Gabrielyan O.A., Sazonova K.L. The Right of... Russia & World: Scientific Dialogue. 2022. No. 2(4). pp. 22-43. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3\(5\)-22-43](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3(5)-22-43).

Введение

Право народов на воссоединение – категория, не закрепленная в международном праве в терминах именно «права народа на воссоединение», в отличие от «права народов на самоопределение» (1; 2; 7; 9; 12; 14). Тем не менее мы наблюдали и продолжаем наблюдать реализованные практики воссоединения и рост таких инициатив в актуальных международных условиях. Становится востребованным научное осмысление этого явления. При этом возникает ряд научно-практических проблем, исследование которых является необходимым в современных условиях общественно-политических перемен. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций начал серию научных дискуссий по проблемам воссоединения народов, аргументам и механизмам воссоединения, операционализации права народа на воссоединение и возможности его введения в международно-правовой дискурс. В данной статье публикуются исследования и материалы первой научной дискуссии.

Материалы и методы

Материалы исследований авторов составили архивные источники, изданные документы, воспоминания очевидцев, характеризующие опыт воссоединения народов, интервью, статистические данные, данные социологических опросов, нормативные правовые акты международного и национального уровней.

Разнообразие использованных источников обуславливает применение различных методов работы с ними. Основными методами исследований стали структурно-диахронный анализ, контент-анализ, ивент-анализ, метод исторической ретроспективы, сравнительный анализ, методы вспомогательных исторических и социологических дисциплин. К опорной методологии исследования вопроса прав народов на воссоединение относятся методология теории конфликта, методология социокультурной теории, а также методология антропологии.

Результаты исследования

К вопросу воссоединения народа в контексте принципа равноправия и право народов на самоопределение (Ильин Н.Ю.)

В наименовании заявленной темы научной дискуссии народы употребляются во множественном числе, что подразумевает, на наш взгляд, два направления для научной дискуссии в контексте постановки проблемы:

1) право одного народа на освобождение от иноземного господства и объединение территорий, на которых он проживает, в одно государство (например, объединение итальянского народа в XIX веке);

2) право отдельного народа в составе многонационального государства на воссоединение с другой его частью, проживающей вне пределов этого государства, например, ситуация с осетинским народом и актуальной повесткой о референдуме в Южной Осетии. Этот процесс более сложный как с политической, так и международно-правовой точки зрения.

Появление и развитие принципа равноправия и права народов на самоопределение в первую очередь имеет материальной основой первый подход.

Право народов на воссоединение можно рассматривать как взгляд под определенным углом на принцип национальности¹, утвердившийся в научном дискурсе европейских государств в XIX веке и представляющий собой обоснование политической идеи «один народ – одно государство» (обоснованной П. Манчини, Э. Ренаном, А.Д. Градовским и др.). Сама по себе эта идея была вызвана необходимостью построения государства на национальных началах, и принцип национальности формулировался как абстрактная догма о целесообразности построения при любых обстоятельствах мононационального государства.

В практическом ключе этот принцип применялся, например, при освобождении и объединении раздробленной Италии (то, что называлось Рисорджименто и завершилось присоединением Рима к Итальянскому королевству в 1870 году). В работах итальянских исследователей того периода (Вальсекки, Романьози) разрабатывались идеи национализма итальянского народа и далее – соединение этой национальной идеи с принципом легитимности. Интересно, что нация в работах Романьози рассматривалась как население, которому природой задано некое географическое и духовное единство. Использовался этот принцип и при объединении Германии в 1871 году: создание вокруг королевства Пруссия государства Германская империя из нескольких десятков независимых государств с немецким населением.

В своем развитии принцип национальности был сформулирован как принцип самоопределения наций, выдвигаемый национально-освободительными движениями, объективно направленный против империалистического многонационального государства, которому он противопоставляет требование создания национальных государств (23, с. 323) и в современном международном праве он был дополнен положением о равноправии народов.

В Декларации о принципах международного права 1970 года впервые были установлены формы реализации данного принципа. Помимо образования независимого государства или присоединения к существующему государству, одной из форм было признано установление иного политического статуса. Таким образом, уже тог-

1 Под «национальностью» в XIX веке понимались народы, отличавшиеся ярко выраженной культурно-исторической самобытностью, а под «нацией» подразумевалась вся совокупность граждан государства.

да право на самоопределение, признававшееся за всеми народами, больше не сводилось исключительно к праву на отделение.

Содержание принципа равноправия и права народов на самоопределение предусматривает несколько связанных между собой прав и обязанностей. Так, например, И.П. Блищенко и В.Ф. Шавров в работе «Теория и практика международного права США» в 1985 году раскрывали принцип равноправия и самоопределения народов следующим образом:

а) право народов свободно распоряжаться своей судьбой, т.е. в условиях полной свободы определять свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие; б) право народов свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами; в) обязанность всех государств содействовать путем совместных и самостоятельных действий осуществлению принципа равноправия и самоопределения народов в соответствии с положениями Устава ООН; г) обязанность всех государств воздерживаться от любых действий, лишающих народы их права на самоопределение, свободу и независимость; д) возможность для колониальных народов использовать все доступные им средства в борьбе за независимость; е) обязанность всех государств содействовать ликвидации колониализма, проявляя должное уважение к свободно выраженной воле заинтересованных народов (7, с. 36).

При всей формальной простоте толкования содержания этого принципа сложностью с правовой точки зрения является неопределенность понятия «народ», что делает возможным в каждом конкретном случае реализации права на самоопределение как учитывать волю народа, так и обходиться без учета мнения населения. Причем это может быть позиция не только отдельных государств, но и органов ООН. Так, Международный Суд ООН в консультативном заключении о Западной Сахаре в 1975 году отметил, что «применение права на самоопределение может быть осуществлено лишь в условиях свободного волеизъявления заинтересованного народа»². Вместе с тем уругвайский юрист Э.Х. Аречага в своей работе «Современное международное право» в 1983 году приводит примеры, когда Генеральная Ассамблея ООН не выполняла требования о консультации с населением соответствующих территорий. В споре о территориальной принадлежности Мальвинских (Фолклендских) островов ГА ООН потребовала от Великобритании и Аргентины проведения переговоров по вопросам о суверенитете и передаче территории и отказалась учитывать результаты опроса населения этой территории. А в вопросе о принадлежности штата Гоа Индии воссоединение с утраченной территорией было расценено ГА ООН как способ обеспечить самоопределение народа и положить конец колониальному статусу без консультации с населением. Индия тогда отмечала, что в случае с Гоа было бы нелепо опрашивать проживающих на этой территории индийцев,

2 International Court of Justice (ICJ) Reports, 1975, p. 32.

желают ли они оставаться индийцами, и ГА ООН согласилась с таким подходом (1, с. 164).

Ситуация с толкованием принципа равноправия и самоопределения народов несколько упорядочена и ограничена в связи с принятием Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975). В указанном Заключительном акте помимо права на самоопределение нашел свое закрепление еще один принцип – принцип территориальной целостности. В документе было дано и его толкование: государства

в соответствии с этим будут воздерживаться от любых действий, несовместимых с целями и принципами Устава ООН, против территориальной целостности, политической независимости или единства любого государства-участника и, в частности, от любых таких действий, представляющих собой применение силы или угрозу силой. Государства-участники будут, равным образом, воздерживаться от того, чтобы превращать территорию друг друга в объект военной оккупации или других прямых, или косвенных мер применения силы в нарушении международного права или в объект приобретения с помощью таких мер или угрозы их осуществления. Никакая оккупация или приобретение такого рода не будет признаваться законной³.

Таким образом, этот принцип, хотя и не содержит обязательств в отношении народов, реализующих право на самоопределение, создает определенные препятствия в реализации процесса воссоединения народа и необходимой для этого процесса сецессии – выхода части территории из состава государства. Такой процесс является правомерным только без вмешательства извне, даже представителей этого же народа, являющихся гражданами другого государства. Если же процесс происходит без сецессии, то больших сложностей воссоединение народа может и не вызывать (Германия, Израиль).

Воссоединение или поглощение? Исторические основы объединения Германии в 1990 году (Кузьменко Е.А.)

Привычное нам название «Германия» вовсе не так очевидно, если мы говорим о политической обстановке после Второй мировой войны. Если до 1949 года под «Германией» понимались оккупированные территории бывшего Рейха, не вошедшие в состав стран-победительниц, то с появлением ФРГ и ГДР понятие Германии как одного этнокультурного пространства, не говоря уже о политическом, будто бы нивелировалось. Однако это не так: идея «единой Германии» и ностальгия по ней никогда не исчезали, вопросом было лишь то, какое из двух немецких государств станет ядром новой Германии. Никуда не исчез и этноним немцев, появившийся как обозначение политической общности после первого объединения Германии в 1871 году.

³ Заключительный акт СБСЕ, с. 6. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf.

На протяжении всех сорока лет после Второй мировой войны политика ФРГ так или иначе учитывала интересы укрепления позиций Западной Германии в германо-германских отношениях. Исторические основы этого укрепления для дальнейшего распространения своего влияния на Западе и Востоке хотелось бы рассмотреть сегодня.

Во-первых, уже Основной закон Западной Германии предусматривал рычаги возможного воссоединения, которое представлялось делом предпрешенным, хоть и отнесенным на неопределенный срок.

Основной закон ФРГ, принятый в качестве Конституции Тризонии в 1949 году и действующий по сей день, уже отражал стратегические долгосрочные амбиции западной части Германии.

Принципиальное значение имеют статьи 23 и 24 Основного закона. Статья 23 раскрывает весь размах состоявшихся после 1949 года изменений в этой ситуации. Принятый в 1949 году текст статьи гласил: «Настоящий Основной закон в настоящий момент распространяется на территории земель Баден, Бавария, Бремен, Большой Берлин, Гамбург, Гессен, Нижняя Саксония, Северный Рейн-Вестфалия, Рейнланд-Пфальц, Шлезвиг-Гольштейн, Вюртемберг-Баден и Вюртемберг-Гогенцоллерн. В других частях Германии он должен вступить в силу после их присоединения...». Тем самым была определена сфера действия Основного закона, а также вероятность ее расширения за счет – «других частей». Статья 24 гласит: «Федерация может в целях обеспечения мира войти в систему взаимной коллективной безопасности; при этом она согласится на ограничения своих суверенных прав в целях установления и обеспечения мирного и прочного порядка в Европе и в отношениях между народами всего мира», – здесь очевидна связь будущего Германии с европейскими институтами.

Важной основой для будущего объединения становится все более углубляющаяся европейская интеграция.

До 1949 года Германия представляла собой объект, а не субъект политики. Но после первого Берлинского кризиса ситуация начинает меняться, в первую очередь – в отношениях с западноевропейскими государствами.

Уже в 1951 году ФРГ участвовала в создании Европейского объединения угля и стали. Высший руководящий орган ЕОУС в Люксембурге стал первым наднациональным органом в Европе, которому ФРГ уступила свои суверенные права (поначалу – на 50 лет). С вступлением в силу договора о ЕОУС была поставлена под международный контроль оставшаяся после Второй мировой войны немецкая тяжелая промышленность, то есть возможная основа германского перевооружения. Таким образом, соседи Германии оказались в состоянии не воспринимать ее более как угрозу, что было существенным достижением за 100 лет.

В 1957 году последовали договоры о Европейском экономическом сообществе и Европейском сообществе по атомной энергии. Под международным контролем оказалась существенная часть германской экономической мощи, и одновременно для всех участников было открыто обширное экономическое пространство. Если договор о ЕОУС 1951 года был еще рассчитан на 50 лет, то действие так называемых Римских договоров 1957 года предусматривалось «на неограниченный период».

ФРГ настояла на дополнительном протоколе к Римским договорам и сделала протокольное заявление при их подписании о том, что внутригерманская торговля и, что не менее важно, статус граждан сообщества для всех немцев соответствуют определению, содержащемуся в статье 116, абзац 1 Основного закона, то есть относятся и к проживающим в ГДР немцам (Если законом не установлено иное, немцем в смысле настоящего Основного закона является каждый, кто обладает германским гражданством или в качестве беженца или изгнанного лица немецкой национальности, его супруга или потомка нашел убежище на территории Германии в границах, существовавших на 31 декабря 1937 года).

Товарообмен между обоими германскими государствами приравнивался к торговле внутри сообщества. Не другое германское государство, но живущие в нем люди и элементы их экономики вошли этим особым образом в состав ЕЭС. Если граждане ГДР находились на территории сообщества, то к ним следовало относиться как к германским гражданам. Они пользовались всеми правами граждан сообщества, могли оформить для себя федеральный паспорт в качестве идентификационного документа и обратиться, к примеру, за помощью в иностранные представительства ФРГ. Такова была практическая политика в отношении Германии в целом, то есть уже понимаемой как единая зона, несмотря на политические границы.

Третьим аспектом, подготавливавшим объединение, становится «Новая восточная политика» Вилли Брандта, успешно реализуемая в 1970-х годах.

«Новая восточная политика» опирается на политический принцип «изменения через сближение», изложенный Эгоном Баром, федеральным министром по особым поручениям при Брандте в период с 1972 по 1974 год, для отношений ФРГ с ГДР и странами Восточной Европы.

Если политика взаимопонимания в 1960-е годы во многом характеризовалась отсутствием мобильности и понимания со стороны как западного, так и восточного блоков, то в конце десятилетия некоторые международно-политические события благоприятствовали возобновлению дипломатических переговоров. К этим благоприятным факторам относится прежде всего тот факт, что Советский Союз смог стабилизировать собственный блок государств после «Пражской весны» в 1968 году, эскалации китайско-советских противоречий из-за советской переброски войск к границе с Китаем, а также потребности СССР в западных технологиях и импорте соответствующих технологий для модернизации собственной экономики.

Что было особенного в этой политической концепции, так это то, что она была сосредоточена не только на конкретном консенсусе в краткосрочной или среднесрочной перспективе, но и на долгосрочном сближении социальных систем Востока и Запада. Политическим инструментом этой политики стала концентрация на общих интересах, поэтому, в частности, глобальное миротворчество (снижение ядерной опасности), общее гуманитарное содействие и возможность взаимного принятия территориального и силового / политического статус-кво.

Первоначально к новой восточной политике относились скептически, особенно со стороны ХДС / ХСС, которые видели в политике противоречие связям и инте-

грации с Западом, продвигаемым Аденауэром. Позднее все партии, представленные в немецком Бундестаге, считали заключенные договоры и Остполитик конструктивной парадигмой взаимоотношений.

3 сентября 1971 года было заключено четырехстороннее соглашение по Берлину. Таким образом, впервые с 1945 года ГДР и Советский Союз гарантировали беспрепятственное транзитное сообщение западногерманских граждан автомобильным, железнодорожным и водным транспортом в Берлин, а также существующие связи между ФРГ и Берлином.

Затем последовал ряд других восточных договоров. В конце 1972 года был принят Основной договор, в котором были пересмотрены отношения между Федеративной Республикой Германия и ГДР. В конце 1973 года был подписан германо-чехословацкий договор (Пражский договор), который объявил недействительным Мюнхенское соглашение 1938 года о Судетской области.

Таким образом, «Новая восточная политика» запустила механизмы политического диалога между двумя немецкими государствами и предопределила инициатора будущего воссоединения 1990 года.

1989 год поставил вопрос объединения Германии ребром и показал, насколько настороженными были ожидания этого объединения со стороны стран-членов ЕС. Здесь мы переходим к четвертому аспекту объединения, не столь очевидному – валютные отношения и позиция других государств. Не было никакой уверенности в том, что объединение Германии не станет проблемой для европейских государств, включая членов ЕС. До этого момента Франция, Италия, Великобритания и ФРГ, насчитывавшие около 60 млн жителей каждая, образовывали равноценную группу четырех ведущих государств-членов. Однако единая Германия с ее 80 млн жителей становилась четвертым по размерам территории и вторым по численности населения, если принимать в расчет и Россию, государством в Европе, обладающим самой мощной экономикой и самой устойчивой валютой. Нельзя было отмахнуться от обеспокоенности потенциального установления германской гегемонии. Не только Великобритания испытывала опасения в связи с германским объединением, но и Франция колебалась перед лицом преобладающей экономической мощи Германии, выражавшейся не в последнюю очередь в силе немецкой марки. Большую роль играла при этом самостоятельность Немецкого федерального банка, действия которого на денежном рынке могли в случае недостаточной политической сдержанности затронуть экономику других государств. Поэтому Франция сделала валютный союз условием для своего согласия на германское объединение. Во всяком случае, 18 апреля 1990 года федеральный канцлер Коль и французский президент Миттеран совместно информировали Европейский совет о желании начать подготовку к созданию предусмотренного Единым европейским актом экономического и валютного союза (который должен был вступить в силу в 1993 году), а также к созыву правительственной конференции по политическому союзу. После этого Европейский совет 28 апреля 1990 года недвусмысленно поддержал германское объединение.

В результате немецкая марка была интегрирована в общую валюту и тем самым поставлена под контроль так же, как в период после учреждения ЕОУС были по-

ставлены под контроль другие элементы германского потенциала, которые воспринимались как угроза. Таким образом, введение евро неотделимо от согласия членов ЕС на германское единство.

Заключаящим фактором объединения становится позиция СССР. Многие зависело от того, какую позицию займет великая держава – Советский Союз. К сожалению для СССР и к счастью для Германии, у лидеров было идеализированное представление о необходимости объединения. Руководство СССР, возглавляемое М.С. Горбачевым, согласилось не препятствовать свободному волеизъявлению немцев, дав тем самым зеленый свет демонтажу политической структуры ГДР и ее включению в состав ФРГ. Проведенные в дальнейшем переговоры по формуле «2+4» (ГДР, ФРГ, Великобритания, США, СССР, Франция) завершились подписанием в Москве 12 сентября 1990 года Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии. В договоре германская сторона признала «окончательный характер границ объединенной Германии», отказалась от «производства, владения и распоряжения ядерным, биологическим и химическим оружием», обязалась сократить германские вооруженные силы. Со своей стороны, державы-победительницы заявили о прекращении «своих прав и ответственности в отношении Бер-лина и Германии в целом» и о том, что «объединенная Германия обретает полный суверенитет над своими внутренними и внешними делами» 3 октября 1990 года договор об объединении ГДР и ФРГ вступил в силу.

Единство политическое поставило вопрос единства коммеморативного: что делать и как быть с довольно продолжительной историей разъединения, как ее интерпретировать и рефлексировать в общественной памяти. Здесь категория поглощения применима еще больше: история ГДР трактуется преимущественно в ключе ее неполноценности и антигуманности, с акцентом на негативные стороны (которые нельзя замалчивать, но нельзя и изымать из контекста), делается попытка нивелировать идентичность ГДР, что породило в бывших жителях ГДР так называемую «остальгию» – столкнувшись с парадигмой отмены их прошлого, они стали острее реагировать на недостатки новой системы, высказывать неприятие этой отмены. Об этом свидетельствуют исследования музейной культуры ФРГ, разделение людей в бытовом общении на «осси» и «весси» (с легким пренебрежением друг к другу), воспоминания влиятельных современников (например, Гюнтер Грасс), всплеск интереса к фильмам, комиксам, ТВ-шоу в стилистике и по теме повседневности Восточной Германии. Например, магазин Ossiladen, рассылающий свои товары по почте, имел около 40 тыс. постоянных клиентов в 2008 году. Согласно опросу журнала «Штерн», в 2009 году 57% «осси» в той или иной степени жалели, что от повседневной жизни ГДР ничего не осталось. Соответственно, единство культурно-исторической памяти и тождество идентичности в объединенной ФРГ достигается значительно дольше, чем политических институтов.

Итак, основами объединения стали: продуманность Основного закона в соответствии с задачами последующего объединения, интенсивная европейская интеграция, валютные взаимоотношения стран ЕС, Новая восточная политика ФРГ, позиция СССР. Результатом объединения Германии стало коренное изменение геополитической ситуации в Европе.

Право народов на воссоединение (осетинский кейс) (Санакоев И.Б.)

Теоретические аспекты проблемы

Право народов на воссоединение проистекает от особой социальной и научной актуальности феномена разделенности этнических общностей. Указанный феномен можно описать в терминах дифференциации как категории, способной более или менее адекватно отобразить всю его прикладную и теоретическую специфику. В этом плане мы можем выделить два аспекта подобной дифференциации: текущую и перспективную. Текущая дифференциация общественно-политической жизни означает формирование у разделенных этносов разных форм и типов идентификации: политической, социокультурной и экономической. Подобные характеристики свидетельствуют в целом о раздвоенности и разорванности основных форм жизнедеятельности этносоциума. Перспективную же дифференциацию условно можно подразделить на несколько этапов:

- для первого этапа характерно преобладание параллельных векторов развития, когда процесс социальной эволюции разделенных частей этноса проходит в параллельном режиме при сохранении практически идентичных социокультурных маркеров;
- на втором этапе параллельные векторы развития начинают постепенно расходиться, неизбежно способствуя формированию отличающихся социокультурных характеристик и дистанцированию разделенных частей этноса друг от друга;
- третий этап перспективной дифференциации знаменует собой достижение неких точек невозврата, после которых можно говорить об исчезновении с этнокультурной карты мира некогда единого народа и о появлении двух или более братских, но уже разных народов; этот этап характеризуется завершением процесса эволюции единого прежде этноса; при этом данное обстоятельство приобретает практически необратимый характер;

В теоретическом плане следует обозначить и специфику механизмов функционирования феномена этнической разделенности. Среди подобных механизмов можно вычленил следующие:

- векторы притяжения: базируются на сходствах разделенных частей этноса и актуализируются в ситуациях роста национального самосознания, дискриминации групповых прав, обострения межэтнических отношений, по своей направленности формируют идеологию этнического ирредентизма, способны запустить объединительный процесс и в целом работают на преодоление ситуации разделенности;
- векторы отталкивания: базируются на существующих отличиях и актуализируются в ситуациях устойчивого развития, межэтнического мира, защищенности коллективных прав, успешной интегрированности в государство проживания; по своей направленности указанные векторы формируют в этническом самосознании идеологию юнионизма, препятствуют объединительным процессам и в целом способствуют консервации ситуации разделенности.

Следует отметить, что параллельное функционирование двух типов векторов обеспечивает динамическое равновесие феномена этнической разделенности: при равновесном их взаимодействии феномен будет стабилизироваться в определенных пределах. При доминировании вектора отталкивания разделенность будет эволюционировать в направлении усиления дифференциации. При доминировании вектора притяжения разделенность будет преодолеваться через различные механизмы политической, экономической и социокультурной интеграции.

Специфика осетинского кейса

Появление проекта осетинского воссоединения следует отнести ко времени распада Российской империи, поскольку до этого периода понятия разделенности в осетинском самосознании не существовало. Тогда впервые идея объединения возникла в период между февралем и октябрём 1917 года в сознании осетинской интеллигенции и начала принимать декларативные формы. Практическую работу в этом направлении начал осуществлять Национальный Совет – высший представительный орган Южной Осетии. Свое дальнейшее развитие идея объединения получила уже в советский период, когда в 1925–1926 годах ставился вопрос об объединении Осетии. В этот период выдвигались различные проекты объединения Осетии, в том числе и в составе Грузии. Однако воссоединение Осетии в составе РФ не устраивало большевистское руководство СССР, поскольку оно не хотело обострять отношения с Грузией. Объединение Осетии в рамках Грузии встречало противодействие также и со стороны Грузии:

Определенные силы в Грузии выступали против этого, хотя и были попытки ввести в свой состав объединенную Осетию. Причина была в том, что грузины не такой многочисленный этнос и осетины могли представлять некоторую опасность в плане давления на грузинский этнос. Поглотить Южную Осетию отдельно Грузия могла, но всю Осетию, всех осетин – нет, поскольку столько сил и возможностей у Грузии не было в то время (Материалы экспертного опроса, 2010. Архив автора).

Следует указать на очевидные для южных осетин политические выгоды объединения, поскольку проблема разделенности как таковая появилась в связи с кризисом этнокультурного и политического развития Южной Осетии. Согласно экспертным оценкам, «у Южной Осетии ограничены возможности и ресурсы для реализации своих этнокультурных потребностей. Поэтому и возникла проблема разделенности, и инициатором постановки этой проблемы стала югоосетинская сторона. Во всяком случае, очевидные выгоды при решении этой проблемы получает Южная Осетия» (там же). В этом плане можно утверждать, что в массовом сознании населения Южной Осетии идея объединения пользуется большей популярностью, чем в Северной Осетии.

Идея воссоединения более популярна на юге Осетии по причине того, что: во-первых, южные осетины воспринимают эту ситуацию острее, поскольку народ чувствует себя незащищенным в ситуации достаточно выраженной агрессии со стороны более сильного этноса, который стремится нивелировать все этнокультурные раз-

личия; во-вторых, стрессовый потенциал, который накопился на юге в течение нескольких десятилетий, сказался негативно на всех сторонах жизни югоосетинского общества, в том числе и на состоянии национальной культуры; в-третьих, одним из факторов роста популярности идеи объединения на юге стало высокое доверие южных осетин к России и признание ее роли в обеспечении безопасности южной части осетинского этноса, и поэтому большинство населения Южной Осетии воспринимает себя как часть Российской Федерации.

Современное состояние осетинского ирредентистского проекта можно оценить как новую волну актуализации как идеи, так и политического движения, направленного на реализацию конечной цели проекта – вхождения в состав России и воссоединения с Северной Осетией. В этом плане следует указать на то обстоятельство, что в Северной Осетии, согласно данным последних социологических опросов, идея воссоединения постепенно набирает обороты, а в Южной Осетии воссоединительная идея и проект стали институционализироваться: возникала ирредентистская политическая партия «Единая Осетия». В 2014 году эта партия завоевала законодательную власть в республике (20 депутатских мест из 34 возможных), а в 2017 году лидер «Единой Осетии» А. Бибилов победил на президентских выборах и возглавил высшую исполнительную власть. Актуализацией объединительной идеи следует объяснить и недавние инициативы высшего политического руководства Южной Осетии о необходимости проведения референдума о вхождении Южной Осетии в состав России.

Таким образом, можно заключить, что на современном этапе осетинский ирредентистский кейс (как право и стремление к воссоединению) все более актуализируется в условиях роста национального самосознания разделенных частей единого осетинского народа и достаточно динамичного внешнего окружения.

Обсуждение

Крымский кейс (Габриелян О.А.)

Мы сейчас слушали историю осетинского народа, можем привести много других примеров: те же немцы на протяжении десятилетий ждали воссоединения, карабахский кейс тоже достаточно нагляден и в последние 30 лет после развала СССР на слуху. Эти конфликты имеют свою особую историю.

Крымский кейс имел свою. Он был ожидаемым и неожиданным для крымчан. Даже премьер-министр Крыма в то памятное утро пришел на работу и удивился, что его не допускают в здание Совета министров. Было неожиданное решение, просто гениально исполненное. Крымчане подавляющим большинством сделали свой выбор. Я сам участвовал в процессе подготовки референдума и являлся свидетелем этих исторических событий как гражданин и как общественный деятель (10).

Этот кейс только свидетельствует, что кто-то право народа на самоопределение должен обеспечить, одного желания, очевидно, недостаточно. Тридцатилетняя

тяга крымчан к России была правомерна. Никто крымчан не спрашивал в 1954 году, когда принималось политическое решение о передаче Крыма Украине.

Воссоединение обеспечили «вежливые люди», которые здесь оказались в 2014 году. Поэтому, рассуждая о «праве» на воссоединение, мы должны понимать, кто будет обеспечивать это право. Как правило, малочисленные народы пытаются воссоединиться тем ли иным образом со своей исторической родиной, но нет возможности такое право обеспечить. Кто это право должен обеспечить? Если родина в состоянии обеспечить это объединение, то повезло. Например, в Германии «звезды сошлись», политические реалии сложились таким образом, что это объединение произошло. Между прочим, именно отголоски этого процесса через десятилетия обернулись войной на Украине. Если вы думаете, что это воссоединение никак не повлияло на этот процесс, то глубоко заблуждаетесь. Я считаю, что процесс сегодняшнего кризиса начался тогда, но в то время это не вызывало опасений. Но позже определилось доминирование Германии в Европе. По сути, был построен экономический IV Рейх. И то, что пытался III Рейх сделать насильно: вагоны с «гастарбайтерами» отправлял с территории Украины во время Второй мировой войны. После восьмидесятих годов, тем более после развала Советского Союза, этот процесс экономического порабощения сегодня обозначился явно. И «благодарные» немцы посылают вооружение на Украину для войны против России.

А как в принципе может проблема воссоединения решаться? Сравним крымский и карабахский кейсы. В сентябре прошлого года меня пригласили в Карабах на тридцатилетие провозглашения независимости. Я видел эту ситуацию изнутри, разговаривал с людьми, анализировал. Я сам бакинец, но именно по причине того, что я армянин – еще при Советском Союзе переехал в Ереван. Мне явно дали понять, что я хороший парень, но армянин... Позже я перебрался в Крым. После развала Советского Союза был приглашен на работу. Я хочу сказать, что эти кейсы экзистенциальные: это не абстрактные рассуждения, а переживания через собственное существование в кризисных ситуациях. Посещение Арцаха (Карабаха) после 44-дневной войны, послевоенная помощь, – все это переживается сложно.

Такое же личное проживание ситуации было и в Крыму. Я помню, нас собрал С.В. Аксенов небольшой группой Крымского экспертного клуба и спросил: «Ребята, вы с кем?» Конечно, сказали, что мы за воссоединение с Россией. И тогда он говорит: «Ну тогда надо готовиться к референдуму, в Госсовет идите».

Для нас, для крымчан, это судьба. Мне до этого приходилось быть на Майдане с нашим антимайданом. Мы видели, что происходило там. Не случайно был такой результат по референдуму в Крыму. И Одесса, и то, что происходит все 8 лет на Донбассе, только подтвердило наш крымский выбор. Это скорее должно было произойти в Крыму, но нам повезло, и мы без единого выстрела вернулись в родную гавань. Гарантом нашего воссоединения выступила Россия, она обеспечила это право.

Если вы думаете, что крымский кейс уже закрыт, то это мнение ошибочно. Россия окончательно приняла решение по Крыму. Но когда Россия требует от Украины признать не только Донбасскую и Луганскую республики, но и окончательно Крым

признать в ее составе, то это значит, что надо, чтобы наши оппоненты с этим согласились. Кейсы все эти открыты.

Как я вижу их закрытие? Меняется мировая система – это не только вопрос мирового порядка. Меняется глобальная парадигма, организация всего мироустройства. Как следствие, поменяется и мировой порядок, и будет это оформлено юридически, изменятся государственные и международные институты. Я обращаю на это внимание, потому что очень много роликов на YouTube, когда экономисты начинают рассуждения, что в России все остановится и мы еще почувствуем катастрофические последствия. Эти эксперты совершенно не осознают, насколько фундаментально меняется парадигма, что рассуждать, как они это делают, уже бессмысленно. Логистические цепочки будут разворованы, но возникнут новые. Кто сказал, что будет хуже, чем было, а не откроются новые невиданные перспективы?

Мне кажется, у России сегодня есть колоссальный шанс вырваться из той трясины, в которую ее загнали, куда русского медведя хотели посадить и когти вырвать. Это не получилось и никогда не получится, потому что, на мой взгляд, это связано даже не с личностью В.В. Путина, а с объективными геополитическими процессами, где Россия после всех исторических катаклизмов снова возрождается. Россия как цивилизация – оплот, который обеспечивает евразийское геополитическое пространство стабильностью.

А каковы перспективы для воссоединения народов? Возвращаясь к началу: кто будет обеспечивать право на такое соединение? Мы уже наблюдаем эти случаи, например, в Крыму, сейчас в Южной Осетии. По мере того как Россия будет восстанавливаться как цивилизационная система, самоопределяться, она будет организовывать отмеченное пространство (и свое, и вокруг себя). Почему у меня есть такая уверенность? Мир развивается. Хантингтон был недалеко от истины: происходит столкновение цивилизаций. Россия – больше, чем страна. Россия – это Русский мир, русская цивилизация. Объективные параметры свидетельствуют об этом. Когда президент говорит: «Я русский чеченец, дагестанец», – то это откликается в каждом на этом пространстве.

То, что происходит на постсоветском пространстве, свидетельствует, констатирует, что ни одна из них не состоялась, потому что все они могут развиваться только в союзе с этим большим политическим пространством. Это такая политическая гравитация. Только стабильность в России обеспечивает этим республикам существование и развитие. Они возникали вокруг России, потому что между геополитическими игроками всегда необходимы пояса безопасности. Поэтому вопрос в том, чтобы выстроить такие отношения, которые бы давали этим республикам стабильность и уверенность в дальнейшем существовании.

Объективность заключается в том, что только в большом макрорегионе, который пытается вокруг себя создать Россия, есть шанс у малых народов: воссоединиться, вообще обеспечить свое существование. Мне кажется, что надо осознавать отмеченную фундаментальную смену парадигмы.

Но у России, на мой взгляд, есть большая проблема. Она заключается в том, что пока не сформировался образ ее будущего. Он должен быть настолько интересным,

чтобы народы и внутри России, и вне ее вдохновились им и потянулись к ней. Казахский пример очень здорово показал, что Россия может быть гарантом стабильности.

Это все вранье по поводу того, что идеология не нужна. Идеология – это система ценностей, она всегда существует, даже если не декларируется. Мне представляется, что этот образ будущего мы начали созидать. После внесенных изменений в Конституцию, когда было сформулировано, что у нас приоритет традиционных ценностей. Для нас Знамя Победы является святыней. Это и в Бессмертном полку было отражено. Множество людей в многонациональной России присоединяются к этому движению совершенно искренне, добровольно. В эту систему ценностей, безусловно, входит принцип справедливости, который перекликается с соборностью. России есть из чего строить образ будущего. Подводя итог, можно сказать, что задача сложная, но вместе мы справимся.

Что такое народ? Как международное право определяет тематику принадлежности к народу? (Сазонова К.Л.)

Был известный советский пропагандист-идеолог – товарищ Суслов, и он боролся, как известно, с «безродными космополитами». Вот современное международное право, к счастью или к несчастью, как раз таки до предела космополитично. В том числе, конечно, это заслуга глобализации и глобальной ассимиляции. Остались буквально единичные примеры, когда действительно можно четко сказать, что человек принадлежит к определенному народу этнографически – например, японцы. Япония на основании этничности даже осуществляет юридическую защиту. Известен кейс перуанского диктатора Фухимори, который был этническим японцем и потом смог получить дипломатическую защиту на территории Японии, когда бежал из Перу.

Второй пример – это евреи, которые именно на этническом основании реализовали, то, что называется «алия», которая позволила сформировать значительную часть населения современного государства Израиль.

Третий пример, имеющий отношение к международному праву, – это коренные народы. Это то, на что международное право стало действительно обращать внимание, поскольку коренные народы – индейцы, бушмены, маори, амамуака и другие – сами себя не защитят. Единственное, на что они могут рассчитывать – это защита со стороны тех государств, к которым они юрисдикционно относятся.

Поэтому, по сути, все, что мы имеем в отношении этничности, связано не столько с кровью или с культурно-исторической общностью, сколько с юрисдикционной принадлежностью. Кто вы при этом с точки зрения крови, абсолютно неважно. Вы можете быть кем угодно, но самое главное – какой у вас паспорт. Более того, если мы с вами вдумаемся и подумаем о «мультипатридах» – людях, у которых имеется несколько гражданств, мы поймем, насколько в настоящее время усложнилась проблема принадлежности к народу.

Краеугольным в данной теме является вопрос о том, как трактовать Устав Организации Объединенных Наций, который закрепляет «право народов на самоопределение». Совершенно очевидно, что этнографически данная проблема не решается. Дело в том, что этнографы выделяют от 5 до 8 тыс. народов, но при этом у нас на планете насчитывается чуть более 200 государств. Значит, суверенитет связан не с народом в этнографическом смысле, а с народом в юрисдикционном смысле. Таким образом, будущее, очевидно, за многонациональными и многоконфессиональными государствами. Международное право прежде всего предостерегает нас от буквального и стереотипного понимания «народа». Можно констатировать, что сегодня это в первую очередь юридическая привязка.

Выводы

Право народов на воссоединение может быть рассмотрено с точки зрения принципа национальности, утвердившегося в XIX веке, и с точки зрения реализации политической идеи «один народ – одно государство». Несмотря на то, что существование многонациональных государств в современных условиях препятствует процессу воссоединения народов, практики (или попытки) воссоединения народов, аргументированные их этнической принадлежностью или длительным культурным сосуществованием в рамках общего территориального образования (государства, города и т.п.), наблюдаются в современном мире.

Исторические примеры воссоединений показывают, что причины воссоединения не всегда напрямую связаны с общей этнической принадлежностью людей, проживающих на разных территориях. Нередки случаи, когда воссоединение было более обусловлено экономическими и политическими причинами. Собственно, инициативы воссоединения возникали и возникают чаще всего в условиях кризисов и критического существования народа и связаны, как правило, с депризацией значимых культурных, языковых, духовных, социальных, экономических, гражданских, политических потребностей и прав людей. Этничность используется как главный аргумент воссоединения, а по сути – улучшения своего положения.

При этом реакция международного сообщества на реализацию права на воссоединение народа зачастую оказывается неоднозначной. Так, кейс Германии демонстрирует первоначально настороженное и даже негативное отношение стран ЕС к перспективе воссоединения ФРГ и ГДР. Сильная Германия означала углубление экономических и политических рисков для стран континента. Поэтому гарантии политической и финансовой стабильности стали обязательным условием согласия Франции и Великобритании на объединение Германии. Потенциальное воссоединение других народов также рассматривается международными акторами в геополитическом ключе.

Международное право не определяет понятия «нация» или «народ», но активно использует их в императивных и диспозитивных нормах. Принцип равноправия

и право народов распоряжаться своей судьбой предоставляют им право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие. Все государства обязуются уважать равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой для развития дружбы между народами и между всеми государствами. При этом государства должны соблюдать принцип территориальной целостности других государств. Право народов на самоопределение не противоречит принципу территориальной целостности государств, но упорядочивает процессы реализации этого принципа. Воссоединение народа может являться частным случаем реализации права народа на самоопределение. Стремление государств сохранить свою территориальную целостность является важным мотивом в нарушении ими обязательств по уважению права народов распоряжаться своей судьбой. Это продиктовано прагматическими интересами государств, отсутствием или недостаточной правовой регламентацией таких процессов нормами международного и внутригосударственного права и другими факторами, требующими дополнительного исследования.

Трактовка практик воссоединения с точки зрения международного права весьма неоднозначна. Ряд экспертов считает, что в определении понятия «народ» следует исходить из гражданства человека, а не из его этнической принадлежности (хотя в отношении отдельных личностей такие прецеденты существовали, например, в Японии). В этой связи апеллирование к общей этнической принадлежности (как основанию воссоединения) может быть не принято другими государствами, а попытки такого воссоединения могут трактоваться как сепаратизм, попытки нарушения территориальной целостности и т.п.

На этом фоне представляется весьма перспективной разработка вопросов реализации права народов на воссоединение, которую ведет Национальный исследовательский институт развития коммуникаций.

Список источников

1. Аречага Э.Х. (1983), Современное международное право [Modern International Law].
2. Ахтамзян А.А. (2012), Международные политические последствия объединения Германии [International Political Consequences of the Unification of Germany] // Вестник МГИМО Университета. № 4.
3. Балашов Ю.А. (2005), Проблема разделенных народов в международных отношениях: история и современность [The Problem of Divided Peoples in International Relations: History and Modernity] // Ученые записки Казанского государственного университета. Казань: Изд-во КГУ. С. 14–21.
4. Балашов Ю.А. (2007), Механизмы формирования гражданской идентичности разделенных этносов [Mechanisms of Formation of Civil Identity of Divided Ethnic Groups] // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, серия «Международные отношения, Политология, Регионоведение». № 3. С. 212–217.
5. Балашов Ю.А. (2008), Проблемы разделенных народов и варианты их решения в международно-политическом континууме [The Problems of Divided Peoples and their Solutions in the International Political Continuum]: автореферат дис. ... доктора политических наук. Нижний Новгород. EDN: NKMCWP.
6. Бараш Р. (2010), Явление разделенных этнонациональных групп: политологический анализ [The Phenomenon of Divided Ethnonational Groups: A Political Analysis]. Saarbrücken: LAP LAMBERT. 187 с. ISBN 978-3-8433-0415-3. EDN QBANJZ.

7. Блищенко И.П., Шавров В.Ф. (1985), Теория и практика международного права США [Theory and Practice of International Law of the USA]. М.: Изд-во Университета дружбы народов.
8. Бьюкенен А. (2001), Сепарация. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства [Secession. The Right to Secession, Human Rights and Territorial Integrity of the State]. М.: Рудомино. 239 с.
9. Вельяминов Г.П. (2007), Признание «непризнанных» и международное право [Recognition of the “Unrecognized” and International Law] // Россия в глобальной политике. № 1. С. 120–129. EDN: TZIZKR.
10. Воссоединение Крыма с Россией: исторические и юридические основания [The Reunification of Crimea with Russia: Historical and Legal Grounds]: коллективная монография (2021) / отв. ред. А.А. Власов. Симферополь: Ариал. 460 с.
11. Гапизов, З.Р. (2021), Политико-правовые аспекты воссоединения Крыма с Россией [Political and Legal Aspects of the Reunification of Crimea with Russia] // Конституционная реформа и национальные цели развития России: социально-экономические и политико-правовые приоритеты: Сборник статей и докладов международной научно-практической конференции, Орел, 2 декабря 2020 года / Под редакцией П.А. Меркулова, О.В. Малаховой. Орел: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС. С. 90–94. EDN: ITHNAW.
12. Гошуляк В.В. (2019), Право народов на самоопределение и территориальная целостность государств в интерпретации Венецианской комиссии [The Right of Peoples to Self-determination and Territorial Integrity of States as Interpreted by the Venice Commission] // Наука. Общество. Государство. Т. 7. № 1 (25). С. 30–35.
13. Денисова Г.С. (2000), Воспроизводство культуры разделенных народов Северного Кавказа: опыт конкретно-социологического исследования [Reproduction of the Culture of the Divided Peoples of the North Caucasus: The Experience of a Concrete Sociological Study] // Общество и социология: новые реалии новые идеи: Материалы первого Всероссийского социологического конгресса (27–30 сентября 2000 года) / Санкт-Петербург. Государственный университет. СПб.: Изд. СПбГУ. С. 152–156.
14. Дзугаев К.Г. (2014), Южная Осетия и прецедент Крыма [South Ossetia and the Precedent of Crimea] // Вестник Владикавказского научного центра. Т. 14. № 4. С. 47–51.
15. Диаспоры и разделенные народы на постсоветском пространстве [Diasporas and Divided Peoples in the Post-Soviet space] (2006): монография / отв. ред. Гаджиев К.С., Соловьев Э.Г. РАН. М.: ИМЭМО РАН. 141 с.
16. Дикаев С.У. (2014), Право народа на самоопределение и воссоединение как виктимологическая проблема [The Right of the People to Self-determination and Reunification as a Victimological Problem] // Криминология: вчера, сегодня, завтра. № 3 (34). С. 40–44.
17. Егоров А.И. (2011), Проблема статуса объединенной Германии в 1990-е гг. [The Problem of the Status of a United Germany in the 1990s] // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1.
18. Кабышев В.Т., Заметина Т.В. (2014), Принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и города Севастополя – восстановление исторической справедливости: конституционно-правовой анализ [Admission to the Russian Federation of the Republic of Crimea and the City of Sevastopol – Restoration of Historical Justice: Constitutional and Legal Analysis] // Вестник Саратовской государственной юридической академии. № 2 (97). С. 58–74.
19. Кирсанова Е.Г., Панкратов С.А. (2016), Воссоединение Крыма с Россией в контексте тенденций и противоречий развития современного политического процесса [Reunification of Crimea with Russia in the Context of Trends and Contradictions in the Development of the Modern Political Process] // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 21. № 6. С. 76–82.
20. Князев Ю.К. (2019), О непротиворечивости принципов территориальной целостности государств и права народов на самоопределение [On the Consistency of the Principles of Territorial Integrity of States and the Right of Peoples to Self-determination] // Международная жизнь. № 4. С. 80–93.
21. Кошкин А.П., Черданцев В.В. (2016), Право на самоопределение в политических коллизиях современности: Крым и Косово [The Right to Self-determination in the Political Conflicts of Our Time: Crimea and Kosovo] // Вестник экономики, права и социологии. № 2. С. 273–278.
22. Крыжановская О.А., Петрова С.В. (2010), Перспективы политического воссоединения осетинского народа на основе совершенствования государственной власти Осетии и обеспечения национальной безопасности России [Prospects for the Political Reunification of the Ossetian People on the Basis of Improving the State Power of Ossetia and Ensuring the National Security of Russia] // Казанская наука. № 9. С. 980–984.
23. Левин И.Д. (2003), Суверенитет [Sovereignty]. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс». С. 323.

24. Павленко О.В. (2021), СССР и ФРГ в годы разрядки: от вынужденного взаимодействия к прагматичному партнерству [The USSR and Germany in the Years of Detente: from Forced Interaction to Pragmatic Partnership] // Россия и современный мир. № 1.
25. Томсинов, В.А. (2015), "Крымское право", или Юридические основания воссоединения Крыма с Россией ["Crimean Law", or the Legal Grounds for the Reunification of Crimea with Russia] / В.А. Томсинов. Москва: Зерцало-М. 132 с. ISBN 978-5-94373-325-3. EDN VRRWGV.
26. Хасанов А.А. (2018), Международно-правовые аспекты признания Южной Осетии [International Legal Aspects of the Recognition of South Ossetia] // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. № 1 (68). С. 140–146.
27. Чеджемов С.Р. (2015), Право народов и территорий бывшего СССР на воссоединение с Россией и вызовы современности (на примере осетинского народа) [The Right of Peoples and Territories of the Former USSR to Reunification with Russia and the Challenges of Modernity (on the Example of the Ossetian People)]. В сборнике: Актуальные проблемы современного международного права. Материалы XIII Международного конгресса «Блищенковские чтения»: в 2 частях. Российский университет дружбы народов. С. 609–619.
28. Шредер Д. (2013), Европейский Союз как предпосылка объединения Германии (О значении статьи 23 Основного закона ФРГ) [The European Union as a Prerequisite for the Unification of Germany (On the meaning of Article 23 of the Basic Law of Germany)]. Современная Европа. № 4.

Информация об авторах

ИЛЬИН Николай Юрьевич. Кандидат юридических наук. Доцент кафедры международного права Московского государственного лингвистического университета. Адрес: 119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, д. 36. [www.ilyin@gmail.com](mailto:ilyin@gmail.com).

КУЗЬМЕНКО Елена Алексеевна. Кандидат исторических наук. Доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Член Российского общества интеллектуальной истории. <https://orcid.org/0000-0003-4144-2414>. Адрес: 119571, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1. ea.kuzmenko@igsu.ru.

САНАКОЕВ Инал Борисович. Кандидат политических наук. Заведующий кафедрой политологии и социологии Юго-Осетинского государственного университета им. А.А. Тибилова. Адрес: 100001, Республика Южная Осетия, г. Цхинвал, ул. Островского, 85. inal59@mail.ru.

ГАБРИЕЛЯН Олег Аршавирович. Доктор философских наук. Профессор. Декан философского факультета Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Адрес: 295007, Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4. gabroleg@mail.ru.

САЗОНОВА Кира Львовна. Кандидат юридических наук. Кандидат политических наук. Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Юрист-международник. Адрес: 119571, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1. kl.sazonova@igsu.ru.

Вклад авторов

Все авторы сделали равный вклад в подготовку публикации.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 24 апреля 2022. Одобрена после рецензирования: 5 мая 2022. Принята к публикации: 10 мая 2022. Опубликовано: 11.08.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Arechaga, E.H. (1983), Modern International Law. (In Russian)
2. Akhtamzyan, A.A. (2012), International Political Consequences of the Unification of Germany. Bulletin of MGIMO University. No. 4. (In Russian)
3. Balashov, Yu.A. (2005), The Problem of Divided Peoples in International Relations: History and Modernity. Scientific Notes of Kazan State University. Kazan: Publishing House of KSU. pp. 14-21. (In Russian)
4. Balashov, Yu.A. (2007), Mechanisms of Formation of Civil Identity of Divided Ethnic Groups. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky, series "International Relations, Political Science, Regional Studies". No. 3. pp. 212-217. (In Russian)
5. Balashov, Yu.A. (2008), The Problems of Divided Peoples and their Solutions in the International Political Continuum: Abstract of the Thesis for a doctorate degree in Political Sciences. Nizhny Novgorod, EDN: NKMCWP (In Russian)
6. Barash, R. (2010), The Phenomenon of Divided Ethnonational Groups: A Political Analysis / R. Barash. Saarbrücken : LAP LAMBERT. 187 p. ISBN 978-3-8433-0415-3. EDN QBANJZ. (In Russian)
7. Blishchenko, I.P., Shavrov, V.F. (1985), Theory and Practice of International Law of the USA. M.: Publishing House of the Peoples' Friendship University, 1985. (In Russian)
8. Buchanan, A. (2001), Secession. The Right to Secession, Human Rights and Territorial Integrity of the State. M., Rudomino. 239 p. (In Russian)
9. Velyaminov, G.P. (2007), Recognition of the "Unrecognized" and International Law // Russia in global politics. No. 1. pp. 120-129. EDN: TZIZKR. (In Russian)
10. The Reunification of Crimea with Russia: Historical and Legal Grounds: A Collective Monograph (2021) / ed. by A. A. Vlasov. Simferopol: Arial. 460 p. (In Russian)
11. Gapizov, Z.R. (2021), Political and Legal Aspects of the Reunification of Crimea with Russia / Z. R. Gapizov // Constitutional reform and national development goals of Russia: Socio-economic and Political-legal Priorities: Collection of Articles and Reports of the International Scientific and Practical Conference, Orel, December 02, 2020 / Edited by P.A. Merkulov, O.V. Malakhova. Orel: Central Russian Institute of Management – Branch of RANEP. pp. 90-94. EDN ITHNAW. (In Russian)
12. Goshulyak, V.V. (2019), The Right of Peoples to Self-determination and Territorial Integrity of States as Interpreted by the Venice Commission. The Science. Society. State. Vol. 7. No. 1 (25). pp. 30-35. (In Russian)
13. Denisova, G.S. (2000), Reproduction of the Culture of the Divided Peoples of the North Caucasus: The Experience of a Concrete Sociological Study. Society and Sociology: New Realities New ideas: Materials of the First All-Russian Sociological Congress (September 27-30, 2000) / Saint-Petersburg. State University. St. Petersburg: Publishing House of SPSU. pp.152-156. (In Russian)
14. Dzugaev, K.G. (2014), South Ossetia and the Precedent of Crimea. Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center. Vol. 14. No. 4. pp. 47-51. (In Russian)
15. Diasporas and Divided Peoples in the Post-Soviet space (2006): monograph /ed. Gadzhiev K.S., Soloviev E.G. RAS, M.: IMEMO RAS, 141 p. (In Russian)
16. Dikaev, S.U. (2014), The Right of the People to Self-determination and Reunification as a Victimological Problem. Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow. No. 3 (34). pp. 40-44. (In Russian)
17. Egorov, A.I. (2011). The Problem of the Status of a United Germany in the 1990s. Problems of History, Philology, Culture. № 1. (In Russian)
18. Kabyshev, V.T., Zametina, T.V. (2014), Admission to the Russian Federation of the Republic of Crimea and the City of Sevastopol – Restoration of Historical Justice: Constitutional and Legal Analysis. Bulletin of the Saratov State Law Academy. No. 2 (97). pp. 58-74. (In Russian)
19. Kirsanova, E.G., Pankratov, S.A. (2016), Reunification of Crimea with Russia in the Context of Trends and Contradictions in the Development of the Modern Political Process. Bulletin of Volgograd State University. Episode 4: History. Regional Studies. International Relations. Vol. 21. No. 6. pp. 76-82. (In Russian)
20. Knyazev, Yu.K. (2019), On the Consistency of the Principles of Territorial Integrity of States and the Right of Peoples to Self-determination. International Life. No. 4. pp. 80-93. (In Russian)
21. Koshkin, A.P., Cherdantsev, V.V. (2016), The Right to Self-determination in the Political Conflicts of Our Time: Crimea and Kosovo. Bulletin of Economics, Law and Sociology. No. 2. pp. 273-278. (In Russian)

22. Kryzhanovskaya, O.A., Petrova, S.V. (2010), Prospects for the Political Reunification of the Ossetian People on the Basis of Improving the State Power of Ossetia and Ensuring the National Security of Russia. *Kazan Science*. No. 9. pp. 980-984. (In Russian)
23. Levin, I.D. (2003), Sovereignty. St. Petersburg: Publishing House "Legal Center Press". 323 p. (In Russian)
24. Pavlenko, O.V. (2021), The USSR and Germany in the Years of Detente: from Forced Interaction to Pragmatic Partnership. *Russia and the Modern World*. No. 1. (In Russian)
25. Tomsinov, V. A. (2015), "Crimean Law", or the Legal Grounds for the Reunification of Crimea with Russia / V. A. Tomsinov. M.: Zertsalo-M. 132 p. ISBN 978-5-94373-325-3. EDN VRRWGV. (In Russian)
26. Khasanov, A.A. (2018), International Legal Aspects of the Recognition of South Ossetia. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. No. 1 (68). pp. 140-146. (In Russian)
27. Chedzhemov, S.R. (2015), The Right of Peoples and Territories of the Former USSR to Reunification with Russia and the Challenges of Modernity (on the Example of the Ossetian People). In the collection: Actual Problems of Modern International Law. Materials of the XIII International Congress "Blishchenkov readings": in 2 parts. Peoples' Friendship University of Russia. pp. 609-619. (In Russian)
28. Schroeder, D. (2013), The European Union as a Prerequisite for the Unification of Germany (On the meaning of Article 23 of the Basic Law of Germany). *Modern Europe*. No. 4. (In Russian)

About the authors

Nikolay Yu. ILYIN, CandSc (Law), Associate Professor, Department of International Law, Moscow State Linguistic University. Address: 36 Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russian Federation, www.ilyin@gmail.com.

Elena A. KUZMENKO. CandSc (Hist.). Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Member of the Russian Society of Intellectual History. <https://orcid.org/0000-0003-4144-2414>. Address: 82, p. 1. Vernadsky Avenue. 119571, Moscow. Russian Federation, ea.kuzmenko@igsu.ru.

Inal B. SANAKOEV. CandSc (Polit). Head of the Department of Political Science and Sociology, A.A.Tibilov South Ossetian State University. Address: 85. Ostrovsky str., Tskhinval, 100001, Republic of South Ossetia, inal59@mail.ru.

Oleg A. GABRIELIAN. PhD. Professor. Dean of the Faculty of Philosophy, V.I.Vernadsky Crimean Federal University. Address: 4 Prospekt Akademika Vernadskogo Simferopol, 295007, Russian Federation, gabroleg@mail.ru.

Kira L. SAZONOVA. CandSc (Law). CandSc (Politics). Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. International lawyer. Address: 82 Vernadsky Avenue, p., 1119571, Moscow. Russian Federation, kl.sazonova@igsu.ru.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Submitted: April 24, 2022. Approved after peer reviewing: May 5, 2022. Accepted for publication: May 10, 2022. Published: August 11, 2022.

The authors have read and approved the final manuscript

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.